

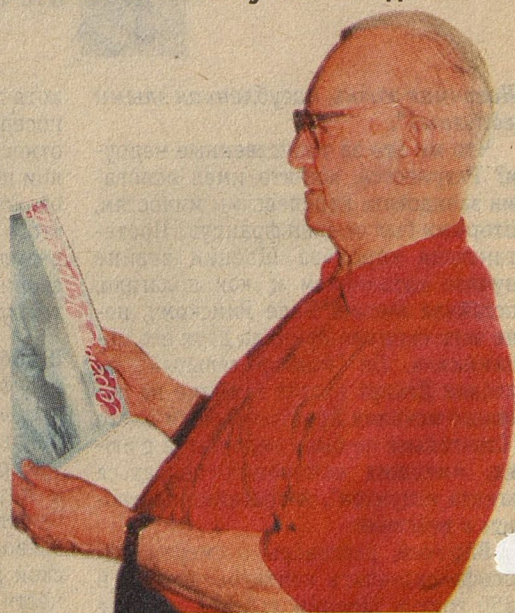
3

Здоровье душевное сохранилось, потому что всегда писал честно и никому не завидовал.

Андрей - 2002 - март - с. 14.

ЗАКОН ДОЛГОЛЕТИЯ

Сергей Островой:
«Никогда не приукрашал
действительность, за
исключением стихов к красным
дням календаря».

Недавно старейшему поэту-песеннику Сергею Островому исполнилось 90 лет. За почти 70 лет творческой деятельности он выпустил с полсотни книжек, суммарный тираж которых невозможно подсчитать. Его "Песня остаётся с человеком", "В путь-дорожку дальнюю", "У деревни Крюково", "Дрозды", "Потолок ледяной, дверь скрипучая" и другие остаются с нами и по сей день. В зените славы к нему ежедневно приходило до 50 писем с нотами от неизвестных композиторов, сложивших песни на его стихи. Подтверждая законы сибирского долголетия, он, тем не менее, бережно относится к своему здоровью: соблюдает режим дня, курить бросил ещё в 30-летнем возрасте, занимается спортом и не утратил интерес к жизни.

С Сергеем Островым беседует наш корреспондент Анатолий СТАРОДУБЕЦ.

— Сергей Григорьевич, тот факт, что вы родились ещё в царской Сибири, как-то повлиял на вашу жизнь?

— Конечно. В Сибири ведь особый кодекс чести. Когда я был маленьким, в нашем доме двери никогда не запирались. Воровство считалось тягчайшим преступлением. В наших краях жили разные люди, встречались и подлецы, и воры, но их было так мало, что они на жизнь нашу никак не влияли. Потом в других краях мне всегда не хватало студёной сибирской чести, студёной чистоты. В высоком смысле этих слов.

— Какой вам запомнилась Гражданская война?

— В начале Гражданской мне было семь лет, но я уже всё понимал. Тогда в нашем городе, теперешнем Новосибирске, власть менялась часто: то белые придут, то красные. Помню, когда в очередной раз появились белые байкальские казаки, они были пьяные и разгульные. Тогда отец лёг спать головой к двери: когда будут врываться, первым делом стукнут его по голове и он проснётся.

Другое страшное воспоминание связано с эпидемией сыпного тифа: бесчисленные мёртвые тела увязывают на санях верёвками, как хворост, и вереницы таких саней тянутся за город. Для детской психики это зрелище было сильнейшим потрясением.

— Ваша семья имела возможность дать вам хорошее образование?

— Мои родители всю жизнь оставались полуграмотными. Отец был охотником, мама — домохозяйкой. В нашем доме не было ни одной книжки. К моему увлечению литературой семья относилась презрительно. Читать библиотечные книжки удавалось тайком, по ночам, при свечке. От этого к 14 годам моё зрение непоправимо испортилось. А вот со школьными товарищами повезло — подбралась компания эдаких юных интеллектуалов. Я печатал заметки в городской газете "Юный ленинец", которую редактировал ссыльный венгр Миша Кун. Это обстоятельство помогло мне, когда в 16 лет я ушёл из дому, не поладив с отцом. Почти без денег я оказался в Томске, где попросился репортёром в местную газету. Мне дали первое задание: описать ход соцсоревнования на маслозаводе. Я сделал об этом статью и три дня ждал публикации. Вышло 4 строчки без подписи. Так я начинал.

— А как вы стали песенником?

— В 1934 году, когда я уже работал в московской газете "Гудок", мои стихи "Наливались тополи" получили 2 премии на конкурсе военно-комсомольской песни. Сразу два композитора — Николай Мяковский и Володя Фэре — написали песни на этот мой текст. Журю, состоявшее из лучших поэтов страны, возглавлял Демьян Бедный. Я получил тогда 4 тысячи рублей премии — огромные деньги в ту пору. Сразу всё забросил и занялся только творчеством.

— Какие нравы тогда царили среди московских поэтов?

— Не могу сказать, чтобы откровенно брали за горло. Как-то Константин Симонов мне сказал, что страшно завидует поэтам, пишущим песни. "Это такое

счастье, когда ты слышишь, как люди произносят твои слова. Это ни с чем не сравнить". Я работал и дружил в основном с композиторами. Дунаевский, Хачатурян, Мурадели, Соловьёв-Седой, Мокроусов, Блантер — все самые лучшие того времени. С Фэре мы полгода провели в командировке на Дальнем Востоке в армии Блюхера, написали 12 песен на воинскую тематику. Блюхеру особенно понравилась "Мы Советское Приморье никому не отдадим". Бывая в Москве, после этого нередко мне звонил. После его расстрела я чудом избежал преследования.

— Ваше тяготение к жанру сказки — это попытка уйти от неприглядной действительности?

— Нет. С действительностью я дружен. Никогда не приукрашал её, за исключением стихов к красным дням календаря. Тогда всем надлежало "молотить". Но я старался писать человеческие стихи, чтобы они брали за душу, согревали людей. На мою поэму "Мать", напечатанную в "Правде", пришло около 10 тысяч писем-откликов. Сейчас такого читательского интереса к поэтам нет. Слышал, даже Евтушенко издал книгу за свой счёт. Это при его-то популярности. Ради моего юбилея мой друг Сергей Михалков настоял, чтобы "Советский писатель" выпустил книгу моих стихов. Тираж вот такусенький, но хоть так.

— Критики отмечали неизменное "душевное здоровье" вашей поэзии. Довольно редкое явление среди поэтов. Вас никогда не тянуло декаденствовать?

— У меня до сих пор сохранилось это "душевное здоровье", потому что я всегда писал честно и никому не завидовал. Я понимал: то, что я умею, не умеют другие, а то, что умеют другие, — не умею я. Эта мысль приносит спокойствие. А если ты внутренне спокоен, у тебя может многое получиться. Мой трёхтомник, вышедший в 85-м году, насчитывает более 30 тысяч строк. У меня просто не было времени на декаденство.

А физическое здоровье мне всегда

давал спорт. Я исходил на лыжах всё Подмосковье. По этому поводу у меня есть такие строки: "Лыжи — вот моя поликлиника. / Сосны — вот мои доктора". До сих пор играю в большой теннис. В семидесятые годы даже был президентом теннисной федерации России.

— Какие взаимоотношения в ваше время были у поэтов с исполнителями?

— С ними в основном работали композиторы. Мой голос был совещательным. Так, Аркаша Островский нашёл малоизвестного тогда Кобзона и тот "крестил" нашу песню "Через годы". Так же было и с Геной Беловым, спевшим "Вы слышали, как поют дрозды". Например, я был против, чтобы песню "У деревни Крюково" Марк Фрадкин отдал ансамблю "Самоцветы", а композитор всё же настоял на своём. И оказался прав. Никто лучше её не спел. Ханок положил на музыку мои стихи "Зима" без моего ведома. И в исполнении Эдуарда Хила песня стала популярной. Мы с Ханком потом написали ещё несколько песен. Но у них уже такой звёздной судьбы не было. Никогда не знаешь, "пойдёт" песня или нет. Она живёт по своим непостижимым законам. Тут ни просчитать наперёд ни угадать невозможно.

— Вас не зовут поработать для нынешней эстрады?

— Меня сейчас никуда не зовут. Хотя я продолжаю ежедневно работать, и мой стол заполнен новыми стихами. Не той дешёвкой, что льётся с экранов ТВ и радиоэфира, которую сами пишут и сами поют. Песенная поэзия в России никогда так не деградировала, как в последние годы.

Недавно ребята-эстрадники из команды Игоря Крутого вернулись из Америки, где давали концерт русской советской песни. Рассказывали, что когда пели: "Через годы, через расстояния, / На любой дороге, в стороне любой / Песня не скажешь: до свиданья! / Песня не прощается с тобой", так зал как один встал и стоя слушал. Вот такие моменты согревают сердце и помогают жить. ■

Сергей Островой

13.12.2002
Игорь